

Народно-лирическая трагедия Пушкина («Русалка») // Русская литература. 1958. № 1. С. 110).

²⁵ Не случайно в исследовательской литературе «Русалка» неоднократно сближалась именно с чеховской драматургией. См.: Паперный З. С. «Леший» и «Русалка» // Чеховские чтения в Ялте. Чехов и русская литература. М., 1978; Долженков П. Н. «Чайка» А. П. Чехова и «Русалка» А. С. Пушкина // Чеховиана: Пушкин и Чехов. М., 1998; Головачева А. Г. Классические сближения: Чехов — Пушкин — Шекспир // От Пушкина до Чехова. Симферополь, 2001.

А. В. Дубровский
(Санкт-Петербург, Россия)

«МНИМЫЙ ПУШКИН» В «ПОСМЕРТНОМ» И «АННЕНКОВСКОМ» СОБРАНИЯХ СОЧИНЕНИЙ ПОЭТА

Настоящее сообщение представляет собой небольшой фрагмент работы о «мнимом Пушкине», включающей историю трехсот пятидесяти стихотворных произведений, в разное время приписанных А. С. Пушкину. Главная причина появления на свет громадного количества псевдопушкинских текстов — феноменальный массовый интерес к личности и творчеству первого поэта России. На протяжении многих десятилетий у почитателей поэта создавалась иллюзия, что почти каждое произведение, автор которого неизвестен, «должно быть, Пушкина сочинение». Одни считали его автором анонимных политических стихотворений и колких эпиграмм, другие видели в нем творца эротических опусов в стиле И. С. Баркова. В качестве примера, иллюстрирующего магическое воздействие имени Пушкина, рассмотрим отрывок из рецензии А. Ф. Вельтмана на произведение, абсолютно не имеющее отношения к национальному поэту. Рецензия эта под заглавием «Бренко, поэма (разумеется в стихах). Соч. С. Костомарова. 1848 года» была опубликована в 1849 г. в журнале «Москвитянин»:

«Скажите, пожалуйста, — спросил я однажды одного благоприятеля литератора, — чьи это стихи:

Признаться должно без прибаски,
Читатель добрый пред тобой,
Что в этой песни, ради сказки,
Высок немножко голос мой;
Пониже опускаю струны,
Стихов надутых не люблю;
Где будут надобно перуны,
Гремушку там употреблю;
Приятен в сказке слог шутливый,
Но разноцветен должен быть,
Лилесей, розою, крапивой,
То наставлять, то веселить.
Стихи великолепны, пышны,

Не редко производят шум,
Но год пройдет, — совсем не слышны;
А простота прельщает ум.

— Ну-с, чьи это стихи? — повторил я.

— Разумеется, Пушкина, — отвечал литератор.

— Нет, это стихи Хераскова; читали вы его волшебную повесть:
Бахарьяна, или Неизвестный?

— Неужели Хераскова? Не может быть!

— Может быть.

Таким-то образом ухо так прислушалось к стихам Пушкина, к четырехстопному ямбу его поэм, что какую ни возьми в руки древнюю повесть или современную поэму, написанную легкими стихами, все кажется, что это писал Пушкин, или если не сам писал, так невидимо нашептывал в уши¹.

Примечательно, что сам автор рецензии собирался писать окончание пушкинской «Русалки»².

«Много Пушкина» в собрания сочинений «настоящего» Пушкина ввели друзья поэта — В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, П. А. Плетнев — редакторы «посмертного» издания, ошибочно напечатавшие в девятом томе (в разделе «Лицейские стихотворения») «Застольную песню» А. А. Дельвига:

Други! пусть года несутся,
О годах ли нам тужить,
Коль не все и лозы выюта?
Но скорей и пить — и жить.³

Оплошность друзей поэта понятна и объяснима. Среди пушкинских автографов хранилось немало стихотворений Дельвига. В архиве самого Дельвига, по сообщению В. П. Гаевского, была недошедшая до нас пушкинская запись «Застольной песни»⁴. Учтявая, с какой поспешностью осуществлялось издание, очевидно, что «обдернуться» было несложно. Текст, напечатанный в «посмертном» собрании сочинений Пушкина, представлял раннюю редакцию лицейского стихотворения, прочитанного автором на заседании Вольного общества любителей российской словесности 11 октября 1820 г. и в том же году напечатанного под названием «Дифирамб» с подписью «Д» в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения»⁵. Заметим, что в достаточно авторитетных списках, например в первой тетради Н. А. Долгорукова⁶ и в тетради А. В. Никитенко⁷, «Застольная песня» также приписана Пушкину. Примечательно, что спустя восемьдесят лет после выхода «посмертного» издания М. О. Гершензон механически перепечатал «Застольную песню» с подписью «Пушкин» из тетради Никитенко, не оговорив авторство Дельвига⁸.

Из «посмертного» собрания сочинений «Застольную песню» перенес в последующее издание П. В. Анненков⁹. А исключил ее, уже из «исаковского» собрания сочинений Пушкина, другой редак-

тор — Г. Н. Геннади¹⁰, по прочтении «Заметки» Л. Н. Майкова в «Библиографических записках», устанавливающей авторство Дельвига¹¹. Кстати, с подачи Майкова Геннади исправил еще одну оплошность Анненкова, принявшего за пушкинский автограф записанное поэтом по памяти во Второй масонской тетради стихотворение В. А. Жуковского «Стихи, петые им на празднестве английского посла, лорда Каткарта, в присутствии Е. И. Величества»¹². Анненков озаглавил его иначе: «Первые мысли стихотворения, обращенного к императору Александру I» и напечатал со значительными текстологическими искажениями¹³. Тот факт, что Пушкиным были записаны не собственные стихи, а стихи Жуковского, впервые отметил вовсе не «П. Е. Ефремов в седьмом издании сочинений Жуковского, 1878 г. (т. 2, с. 491)», как прокомментировал М. А. Цявловский в книге «Рукою Пушкина»¹⁴. За два десятилетия до Ефремова это сделал Майков¹⁵. После публикации его «Заметки» Геннади исключил и это стихотворение из «исаковского» собрания сочинений Пушкина¹⁶. Однако в начале следующего столетия профессор И. А. Шляпкин отыскал его в бумагах Анненкова и снова опубликовал как пушкинское¹⁷. Тем не менее в собраниях сочинений поэта «Первые мысли стихотворения, обращенного к императору Александру I» и «Застольная песня» больше не печатались.

Как известно, «посмертное» издание, несмотря на выход в 1841 г. трех дополнительных томов, было далеко не полным. Подвергнувшийся его резкой критике В. Г. Белинский попытался расширить корпус пушкинских текстов. В старинных журналах и альманахах он отыскивал неопубликованные произведения поэта, намереваясь опубликовать их на страницах «Отечественных записок», дабы «будущий издатель знал, где взять все остальное, принадлежащее Пушкину и вместе собранное»¹⁸. В начале 1840-х гг. критик вписал в тетрадь А. А. Краевского двенадцать стихотворений, не вошедших в «посмертное» собрание сочинений Пушкина¹⁹. Одно из них, найденное в журнале «Вестник Европы» за 1813 г., стихотворение «На смерть князя М. Л. Кутузова-Смоленского» («Отечество в слезах познало весть ужасну...»), имело подпись: «А. Пушкин»²⁰. В третьей статье «Сочинений Александра Пушкина» Белинский отметил сам факт первой публикации «маленького стихотвореньица Пушкина»²¹. В статье четвертой критик полностью привел его текст, объявив первым пушкинским произведением в печати²². Тетрадь Краевского впоследствии пользовался Анненков, который, по-видимому, и перечеркнул стихотворение крест-накрест карандашом, оставив рядом, тем же карандашом, замечание: «Такие плохие стихи, вероятно, сочиненные в ребяческие годы, не должно печатать». Тетрадь Краевского внимательно читал и П. А. Вяземский, сделавший там существенные пометы. Они относятся к тем произведениям, которые, по его мнению, были ошибочно приписаны Пушкину. Под текстом чернилами сертификация Вяземского: «Эти стихи Алексея Михайловича Пушкина»²³. Любопытно, что с просьбой добавить это стихотворе-

ние к собранию сочинений поэта обращались к государю опекуны детей Пушкина М. Ю. Виельгорский и П. П. Ланской. И Николай I «высочайше соизволил разрешить привести в исполнение таковое предположение опеки»²⁴. Анненков отклонил это стихотворение, сославшись на мнение Вяземского. Впоследствии и сам Вяземский в записной книжке отметит: «Вот слава! В новое издание сочинений Пушкина едва не попали стихи Алексея Михайловича Пушкина на смерть Кутузова, напечатанные в “Вестнике Европы” 1813. Я их подметил и выключил»²⁵. Спустя десять лет после публикаций Белинского на страницах тех же «Отечественных записок» В. П. Гаевский выскажет предположение, что стихотворение принадлежит однофамильцу знаменитого поэта Андрею Ивановичу Пушкину²⁶. Но уже в следующем номере, благодаря подсказке библиографа С. Д. Полторацкого, исправит ошибку, назвав имя подлинного автора — поэта-переводчика Алексея Михайловича Пушкина²⁷.

Подпись «А. Пушкин» под другим стихотворением того же автора — «Страшный суд» («Нас праведных творец хранит как милых чад...») на некоторое время ввела в заблуждение и С. Д. Полторацкого. Библиограф стал утверждать, что первым напечатанным произведением Пушкина было не послание «К другу стихотворцу» в «Вестнике Европы», а стихотворение, появившееся в «журнале “Санктпетербургский вестник” (№ 7, 1812, ч. 3, с. 44—49) под заглавием “Страшный суд”»²⁸. Вскоре Полторацкий вынужден будет признать свою ошибку, исправить которую ему помог снова Вяземский: «Наш библиограф приписывает стихотворение “Страшный суд” 13-летнему Пушкину, когда оно принадлежит уже очень в то время (1812) взрослому и зрелому в летах Алексею Михайловичу Пушкину, известному переводчику Мольерова Тартюфа <...>, комедии Игрока Ренара (Regnard) и, помнится, двух рукописей Расина, не игранных и оставшихся в рукописи. Самое стихотворение “Страшный суд” есть не что иное, как перевод из Жильбера. <...> По самой структуре стиха видно, что стихотворение “Страшный суд” есть слабый отголосок времен Княжнина и Хераскова, а не попытка 13-летнего троика»²⁹.

Вернемся к собирательской деятельности Белинского. В альманахе М. А. Бестужева-Рюмина «Северная звезда» за 1829 г. критик отыскал стихотворение «Элегия» («О, ты, которая из детства...») с подписью «Ап»³⁰ и переписал в тетрадь Краевского, охарактеризовав как лицейское произведение Пушкина, не попавшее в посмертное собрание сочинений по небрежности издателей³¹. Впоследствии Белинский опубликовал «Элегию» в «Современнике» с соответствующим комментарием: «Пушкин печатал лучшие свои произведения в “Северных цветах” барона Дельвига и неохотно отдавал свои стихи в другие мелкие альманахи, особенно в издания г. Бестужева-Рюмина, который о Дельвиге отзывался не слишком лестно. От усиленных же просьб разных издателей отделаться было нелегко, и тогдашние корифеи нашей

литературы (в том числе и Пушкин) обыкновенно дарили этим господам те из своих пьес, которые они считали послабее, выставляя под ними одну букву или вымышленное имя»³². С подачи Белинского «Элегия» была включена Анненковым в собрание сочинений Пушкина³³. И невольно возникает риторический вопрос к Вяземскому: где же был в этом случае пронизательный Петр Андреевич, не признавший в «Элегии» отрывок из собственной «Негодяйки»³⁴?

Единственную загадку относительно источника и авторства текста в тетради Краевского представляет переписанное Белинским и приписанное им Пушкину следующее стихотворение:

Блажен, кто принял от рожденья
Печать священную харит,
В ком есть порывы вдохновенья,
В ком огонь поэзии горит!
Он стройной арфе поверяет
Богинь заветные мечты
И жизни лучшие цветы
В венок свой гордо заплетает...
Блаженной тот, кто посвящал
Певцам великим дни досуга,
Кто жар к высокому питал,
Но снисходительного друга
Своим стихом не искашал.
1827. А. П. ³⁵

С точки зрения лексики, размера, стиля и, безусловно, подписи автором этого стихотворения, по-видимому, следует считать А. И. Полежаева³⁶.

Для сравнения приведем сниженную строфу из его поэмы «Сашка» (1825—1826):

Блажен, кто слез ручей горячий
Рукой Анюты утирал;
Блажен, кто жизни путь колючий
Вином отрадным поливал
Пусть смотрит Гераклит плаксивый
С улыбкой жалкой на тебя,
Но ты блажен, о друг мой милый,
Забыв в веселье сам себя.
Отринем, свергнем с себя бремя
Старинных умственных цепей,
Что ныне гибельное время
Еще щадит до наших дней. ³⁷

Первым научным собранием сочинений Пушкина по праву считается издание, подготовленное П. В. Анненковым. Получив в свое распоряжение рукописи Пушкина и проделав огромную текстологическую работу, Анненков опубликовал около ста двадцати неизвестных произведений поэта, включая отрывки. Конечно, по цензурным соображениям издатель не мог напечатать такие произведения, как

ода «Вольность», «К Чаадаеву», «Кинжал», политические эпиграммы, поэму «Гавриилиада» и др. В то же время, впервые в издательской практике столкнувшись с проблемой «мнимого Пушкина», Анненков не включил в основной корпус несколько стихотворений, распространявшихся под именем поэта: «Многое приписывается у нас и в рукописных сборниках и даже печатно Пушкину, что ему не принадлежит. Так, между прочим, эпиграмма на сочинение одного лицеиста, описывавшего восхождение солнца с запада (“И изумленные народы”), — приписанная у нас печатно Александру Сергеевичу, должна быть уступлена Г. Илличевскому. Другая эпиграмма — “Салон-гостиная”, — также относимая на счет нашего поэта, вышла из-под пера другого остроумного литератора нашего. Экспромты о “Нациях”, отрывок из которых явился под именем Пушкина в одном московском журнале, столь же мало принадлежит ему, как и стихи известной сатирической пьесы “Цапли”, находимые во всех сборниках с пометкой А. П., а между тем написанные Баратынским. Все это выпущено нами»³⁸. Кроме того, Анненков исключил несколько «ученических упражнений Пушкина, еще ходящих по рукам и ему приписываемых, как, например, стихотворения: “Гаральд”³⁹ и Гальвина”, “Песнь черкеса”, торжественное и пустословное: “Цель моей жизни” и проч., сколько потому, что они представляют один риторический набор фраз, без всякого проблеска поэзии, столько и потому, что принадлежность их Пушкину ничем не может быть доказана»⁴⁰. Рассмотрим историю стихотворений, отвергнутых Анненковым и не вошедших затем ни в одно авторитетное собрание сочинений поэта.

Лицейский экспромт «Се от Запада грядет царь природы» (варианты: «Грядет с заката царь природы...»; «Восстал на западе блестящий сын природы...» и др.) впервые был опубликован в 1853 г. в журнале «Лучи». Автор публикации «А. П.» приводит анекдот из лицейской жизни Пушкина, якобы услышанный им от некоего Г. Г., ко времени публикации уже покойного лицейского товарища поэта: «Воспитанникам Лицея было задано написать в классе сочинение: *Восход солнца* (любимая тема многих учителей словесности, преимущественно прежнего времени). Все ученики уже кончили сочинения и подали учителю; дело стало за одним, который, будучи, вероятно, рассеян и не в расположении в эту минуту писать о таком возвышенном предмете, только вывел на листе бумаги следующую строчку: “Се от Запада грядет царь природы”.

— Что ж ты не кончаешь? — сказал автору этих слов Пушкин, который прочитал написанное.

— Да ничего на ум нейдет; помоги, пожалуйста, все уже подали, за мной остановка!

— Изволь. — И Пушкин так окончил начатое сочинение:

И изумленные народы
Не знают, что начать:

Ложиться спать
Или вставать?

Тотчас по окончании последней буквы сочинение было отдано учителю, потому что товарищ Пушкина, веря ему, не трудился даже прочитать написанного.

Можете представить, каков был хохот при чтении сочинения двух лицейцев!»⁴¹

Этот анекдот, слово в слово перепечатанный журналом «Москвитянин»⁴², был хорошо известен и Анненкову, и тем более Гаевскому, так же как и тот факт, что в роли незадачливого ученика, похитившего строчку: «Блеснул на западе румяный царь природы» из стихотворения известной поэтессы А. П. Буниной «Сумерки», выступал Павел Мясоедов, а в роли остроумного импровизатора — вовсе не Пушкин, а Алексей Илличевский⁴³. Тем не менее активно стремившийся пополнить корпус сочинений Пушкина Н. В. Гербель настойчиво утверждал, что последние три стиха этого экспромта принадлежат Пушкину⁴⁴.

Отрицая принадлежность Пушкину эпиграммы на Ф. В. Булгарина «Синонимы: гостиная — салон...», Анненков не раскрывает имя «остроумного литератора», из-под пера которого она вышла, хотя оно было ему хорошо известно. Это П. А. Вяземский, который исправно подчищал пушкинские издания от чужих текстов, а иногда и от своих. Когда готовился к выходу седьмой, дополнительный, том анненковского издания, то, по словам Ефремова, «рукопись этого тома была взята для просмотра кн. П. А. Вяземским, бывшим тогда товарищем министра народного просвещения <...> при стихотворении “Синонимы — гостиная, салон”, внесенном в рукопись, князь отметил, что это стихотворение его, а не пушкинское»⁴⁵. Впервые эпиграмма «Синонимы: гостиная — салон...» была напечатана без подписи в 1836 г. в «Московском наблюдателе»⁴⁶. Авторство Вяземского подтверждается двумя его письмами: А. И. Тургеневу от 7 июня 1836 г. с просьбой передать эпиграмму в «Наблюдатель»⁴⁷, и В. А. Жуковскому от 29 июня 1836 г.⁴⁸

Стихотворение «Четыре нации» — точнее, одна его строфа:

Француз — дитя,
Он так, шутя,
Разрушит трон,
И даст закон;
И быстр, как взор,
И пуст, как вздор,
И удивит,
И насмешит —

была приписана Пушкину Н. В. Гоголем в неотправленном письме к Белинскому от конца июля — начала августа 1847 г.⁴⁹ Как пушкинскую эту строфу напечатали в 1849 г. в «Москвитяине»⁵⁰. Анненкову

было хорошо известно, что это не пушкинское стихотворение, но подлинного автора он не назвал. В 1859 г. в «Библиографических записках» были напечатаны три строфы этого стихотворения (исключена та, где речь идет о России и о русских) и обозначено имя автора — А. Полежаев⁵¹. Эти три строфы с небольшими разночтениями напечатал Гербель, также уверенный в авторстве Полежаева⁵². Более полный текст стихотворения Полежаева (с пропуском нескольких строк в строфе о русских) был представлен за границей Н. П. Огаревым⁵³.

Стихотворение «Цапли» («Жил да был петух индейский...») было известно Анненкову по многим рукописным сборникам, где оно под разными названиями приписывалось Пушкину (например, «Индийский петух» в тетради Н. А. Долгорукова)⁵⁴. Автором этого стихотворения Анненков небезосновательно считал Е. А. Баратынского. Первая публикация этого стихотворения, озаглавленного «Быль» («Встарь жил-был петух индейский...») и подписанного псевдонимом: «Сталинский», относится к 1831 г.⁵⁵ Как пушкинское стихотворение «Цапли» было напечатано за границей А. И. Герценом⁵⁶ и в том же году — в России, в «Библиографических записках», с подзаголовком «Неизданное сатирическое стихотворение, приписанное Е. А. Баратынскому»⁵⁷. В 1859 г. эти стихи с именем Пушкина были опубликованы в Лейпциге⁵⁸, а с именем Баратынского — в Лондоне⁵⁹. Как и Огарев, Гербель считал автором Баратынского⁶⁰. В то же время в тетради М. Н. Лонгинова — С. Д. Полторацкого рядом с текстом стихотворения есть помета С. А. Соболевского: «эти стихи написаны Е. А. Баратынским со мною в 1825 году до приезда Пушкина из деревни»⁶¹. Впоследствии сын Баратынского Лев Евгеньевич решительно отрицал участие отца в сочинении этого стихотворения, называя его автором Пушкина. Вот что писал в 1900 г. Л. Е. Баратынский Л. Н. Павлицеву: «В журнале “Северный вестник” (кажется, в 1896 г.) было напечатано стихотворение “Жил, да был петух индейский” с обозначением: “стихотворение, приписываемое Е. А. Баратынскому”, и хотя я написал в редакцию этого журнала, что всем известно, что это стихотворение сочинено и написано А. С. Пушкиным, но мое заявление не было напечатано. Так как ты, может быть, в своих печатных изданиях еще будешь писать о Пушкине, нельзя ли будет тебе вскользь заметить, что это стихотворение ошибочно приписывается моему отцу»⁶². В то же время А. Л. Витберг атрибутировал «Цапли» А. Ф. Воейкову⁶³. Современный исследователь творчества Е. А. Баратынского А. М. Песков склонен считать, что «куплеты о семействе Сонцовых» сочинили Баратынский с Соболевским в конце 1825 — начале 1826 г.⁶⁴

Стихотворение «Гараль и Гальвина», известное по многочисленным спискам (Долгорукова, Дашкова, Ефремова, Лонгинова-Полторацкого, Тихонравова и др.), как пушкинское впервые опубликовал в 1876 г. в «Русском архиве» Гербель⁶⁵, прежде соглашавшийся с Анненковым, что оно Пушкину не принадлежит⁶⁶. В подстрочном

примечании Гербель так прокомментировал это стихотворение: «Оно написано Пушкиным еще в Лицее и относится к одному времени с написанными им же стихотворениями “Осгар” и “Эвлега”, которые суть не что иное, как переложение макферсоновской прозы в стихи. Несмотря на тон пьесы, видимо, настроенный под оссиановский, в ней тем не менее все говорит о том влиянии французских поэтов, под которым Пушкин находился первые годы своей поэтической деятельности и которому не чужды были даже Жуковский и Батюшков. Наконец, самая форма “Гараль и Гальвины”, чисто французская форма начала нашего века и напоминает всего более “Chants Elegiaques” Мильвуа»⁶⁷. Иного, но также противоречивого мнения придерживался П. А. Ефремов. Он подтвердил факт хождения этого стихотворения с именем Пушкина в рукописных сборниках (в том числе и в собственном), но признать стихотворение пушкинским решительно отказался, иронически заметив, что имя подлинного автора известно всем, кроме Гербеля⁶⁸. Чуть позже Ефремов открыл это имя — А. Шидловский, — с которым, по его мнению, стихотворение «Гараль и Гальвина» часто встречалось в рукописях⁶⁹. Однако списки этого стихотворения, подписанные именем поэта 1820—1830-х гг., печатавшегося в альманахах: «Календарь муз» (СПб., 1826—1827), «Памятник отечественных муз» (СПб., 1828), журналах: «Славянин», «Библиотека для чтения», «Московский наблюдатель», в настоящее время неизвестны. В советское время авторство Пушкина активно отстаивал Н. О. Лернер⁷⁰.

Стихотворение «Гараль и Гальвина» входит в собрания сочинений Пушкина начиная с издания «Красной нивы»⁷¹. В «большом» академическом собрании (I, 316—318) и первом томе нового собрания⁷² печатается в разделе «Dubia».

История стихотворения «Цель нашей жизни» («Любимец божества, природы старший сын...»), встречающегося с именем Пушкина во многих рукописных сборниках (Лонгинова—Полторацкого, Долгорукова, Дашкова, Тихонравова, Ефремова и др.), во многом сходна с предыдущим стихотворением. Его отвергли Анненков⁷³ и — вслед за ним — Гербель⁷⁴. Потом тот же Гербель опубликовал его в 1876 г. в «Русском архиве» как «один из первых стихотворческих опытов великого поэта»⁷⁵. Затем Ефремов предположил авторство Алексея Михайловича Пушкина⁷⁶. После чего стихотворение надолго исчезло из поля зрения исследователей и издателей. Характерно, что в «большом» академическом издании стихотворения «Цель нашей жизни» нет ни в основном корпусе, ни в разделе «Dubia», ни даже в списке стихотворений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях. И только в 1950-х гг. к нему обратился описывавший лицейские документы В. В. Данилов⁷⁷. Исследователь установил, что стихотворение «Цель нашей жизни» написано на тему, заданную лицеистам первого выпуска профессором русской и латинской словесности Н. Ф. Кошанским в 1814 г. Данилов внимательно изучил все, что было написано лицеистами, и методом исключения пришел к выводу о наи-

большей вероятности авторства Пушкина. Стилистический анализ, к которому прибегнул исследователь для подтверждения своей версии, выявил языковые формулы, присущие творчеству Пушкина, и окончательно склонил Данилова к принадлежности этого стихотворения поэту. Гипотеза Данилова оказалась убедительной Б. В. Томашевскому, и он включил «Цель...» в так называемое «малое» академическое издание, правда, как приписываемое Пушкину. Спустя 40 лет после Данилова к этому стихотворению, в связи с подготовкой нового академического собрания сочинений Пушкина, обратился В. Э. Вацуро⁷⁸. Прежде всего исследователь подверг сомнению соображения Данилова относительно исключения из круга возможных авторов «Цели нашей жизни» лицейского поэта А. Д. Илличевского на том основании, что им уже было написано прозаическое рассуждение «О цели человеческого жизни». «То, что он был автором прозаического рассуждения, — по мнению Вацуро, — отнюдь не могло помешать ему написать на ту же тему стихи; скорее напротив. Дидактическая поэзия не была ему чужда в лицейские годы, — более того, он чувствовал к ней тяготение, и все его сколько-нибудь крупные стихотворные сочинения, известные нам, принадлежат к дидактическим или описательным жанрам, а позднее он охотнее всего писал басни и апологи»⁷⁹. Рассматривая «Цель...» в контексте лицейских переводов Илличевского — идиллии «Ирин» Э. фон Клейста, перевода, названного «Весенний вечер», из III песни «Весны изгнанника» Мишо, и сопоставляя их с прозаическим сочинением Илличевского «Скорое исполнение должностей доставляет чистейшее удовольствие», Вацуро выявил мысли, образы, реминисценции, парафразы, позволяющие говорить о едином авторе — Алексее Дамиановиче Илличевском, «в круг сочинений которого “Цель нашей жизни” входит как естественная и органическая часть»⁸⁰.

Стихотворение «Песнь черкеса» («Седлайся вновь, конь крепкий мой...»), довольно распространенное в списках (тетрадь Лонгинова—Полторацкого и др.), Анненков исключил из корпуса текстов по той же причине, что и предыдущие стихотворения⁸¹. Оно не вошло ни в одно из собраний сочинений Пушкина. Что касается «Песенников» тридцатых годов, где, как верно отметил Ефремов, еще при жизни Пушкина было напечатано это стихотворение, то издатель абсолютно прав, утверждая, что «в них была целая вакханалия с именем Пушкина: кому хотелось напечатать это имя под каким-нибудь давно уже напечатанным с другим именем стихотворением, тот не стеснялся ничем и печатал»⁸². Кстати, Ефремов, правильно назвав имя автора «Песни черкеса» — В. Григорьев, ошибочно указал первую его публикацию в «Полярной звезде» 1824 г.⁸³ Впервые это стихотворение весьма популярного в то время поэта В. Н. Григорьева появилось в альманахе «Календарь муз» на 1826 г.⁸⁴ а в 1834 г. было перепечатано в журнале «Сын отечества и Северный архив»⁸⁵. Автографы стихотворения находятся в Российской национальной библиотеке в фонде В. Н. Григорьева⁸⁶.

Анненкову было хорошо известно и стихотворение «Лилия» («О царственный цветок, о Лилия младая...»), впервые опубликованное в 1830 г. без подписи в «Литературной газете»⁸⁷, а в 1857 г. приписанное Пушкину известным фальсификатором А. Е. Греном⁸⁸. По словам самого Грена, он получил список этого стихотворения в 1828 г., во время своего пребывания в Одессе и Кишиневе, от поэта В. Г. Теплякова. Автограф принадлежал дочери кишиневского негодянта В. А. К—ва Нине Вонифатьевне (в замужестве Попондопулло)⁸⁹. Пушкин якобы называл ее «царственный цветок лилия» и написал ей в альбом это стихотворение. Грен приводит полный его текст с обозначением точной даты и места создания: «Кишинев, 1820 г. октября 30»⁹⁰.

У Анненкова относительно этого стихотворения было иное мнение. «“Лилия” Пушкину не принадлежит, как это достоверно известно теперь, — писал Анненков, — и история о ней может только служить новым предостережением, какая осмотрительность требуется при библиографических указаниях вообще»⁹¹.

На статью Грена в дальнейшем ссылались П. И. Бартенев, сомневавшийся в авторстве Пушкина⁹², и Ефремов, который атрибутировал «Лилию» П. А. Вяземскому⁹³. В собраниях сочинений Пушкина это стихотворение никогда не печаталось.

Несмотря на мощный заслон со стороны Анненкова, более десяти стихотворений, не принадлежавших Пушкину, просочилось на страницы первого научного собрания сочинений поэта. Обратимся к их истории и попытаемся выяснить, какими соображениями руководствовался Анненков, включая в него эти тексты.

Стихотворение «Старица-пророчица» («На мосту стояла старица...»), посвященное битве новгородцев с войском московского князя Ивана III на реке Шелонь 14 июля 1471 г., впервые было опубликовано в 1830 г. в «Литературной газете» без подписи автора, но с посвящением: «барону Дельвигу»⁹⁴. Анненков назвал стихотворение «пьесой в ложно-народном духе», что не помешало ему включить эту «пьесу» в собрание сочинений Пушкина, уступив на сей раз мнению А. Е. Грена⁹⁵. Дело в том, что незадолго до выхода седьмого тома, где была напечатана «Старица-пророчица», Грен в «Общезанимательном вестнике» опубликовал выписки из дневника В. Г. Теплякова об общении его с Пушкиным в Кишиневе в 1821 г.⁹⁶ При разборе бумаг Тепляков якобы попросил поэта подарить ему автографы статьи о Байроне и стихотворения «Старица-пророчица». «Охота тебе возиться с дрянью, — отвечал Пушкин, — статейка о Байроне не помню, когда написана, а стишки “Старица” — лицейские грехи: я писал их для Дельвига. Пожалуй, возьми их, да чур нигде не печатать; рассержусь, прокляну навек»⁹⁷. Для большей убедительности Грен добавил, что «подлинные рукописи Пушкина о Байроне и “Старица-пророчица” после смерти Теплякова перешли к почтенному отцу протоиерею I. А. Б—ву»⁹⁸. Между тем в последнее время документально доказано, что личное знакомство Теплякова с Пушкиным произошло только в

1835 г. в Петербурге⁹⁹, что очередной раз свидетельствует о мистификаторской деятельности Грена, в которой его впоследствии неоднократно уличали. Анненков подозревал об этом, но, не располагая доказательствами, на сей раз предпочел довериться недобросовестному публикатору. Как, впрочем, и другие редакторы — Геннади и Ефремов, перепечатавшие «Старицу-пророчицу» в последующих изданиях сочинений Пушкина¹⁰⁰.

Подлинным автором стихотворения «Старица-пророчица» является поэт-декабрист А. И. Одоевский¹⁰¹. Стихотворение было написано в 1829 г. в Чите и по цензурным соображениям напечатано анонимно в «Литературной газете» Дельвига. Впервые предположительно как стихотворение А. И. Одоевского его опубликовал в 1922 г. И. А. Кубасов по списку М. А. Бестужева¹⁰². В «большом» академическом собрании «Старица-пророчица» входит в список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях.

Из всех псевдопушкинских текстов, напечатанных Анненковым, может быть, ближе всего к Пушкину — «наивно-юношеская» эротическая «Вишня»¹⁰³. Недаром, с легкой руки издателя, ее включают почти во все пушкинские собрания сочинений. У Анненкова «Вишня» имеет подзаголовок: «Лицейское стихотворение. 1815» и многочисленные купюры, впоследствии восстановленные Ефремовым¹⁰⁴ и Гербелем¹⁰⁵. Однако отсутствие автографа, авторитетных списков, отрицательный отзыв Вяземского на полях издания Гербеля: «Не мог в 1815 г. Пушкин написать такие безобразные стихи — разве гораздо ранее: “Пастух то зреть мог” и многие другие стихи чересчур плохи...»¹⁰⁶ — заставляют усомниться в авторстве Пушкина. Любопытно, что Ефремов, напечатавший «Вишню» в трех своих изданиях, впоследствии назвал ее «более чем сомнительным стихотворением без малейших доказательств действительной принадлежности его Пушкину»¹⁰⁷.

В новом академическом собрании «Вишня» печатается в разделе «Dubia» по наиболее авторитетному списку в тетради Гаевского, датированному серединой XIX в.¹⁰⁸ В комментарии отмечено, что «по отсутствию документальных подтверждений авторства, и по языку и поэтической технике атрибутирование стихотворения Пушкину вызывает серьезные сомнения»¹⁰⁹.

Стихотворное послание «Эге... му» («О, Эге... м! я восхищенный...») Анненков напечатал со следующим комментарием: «Стихотворение это сообщено нам Н. Ф. Щербиной и любопытно как шутливая импровизация поэта. Других достоинств оно не имеет ни по мысли, ни по стиху. Мы относим его к 1818 году, когда по окончании лицейского курса Пушкин отправился в Михайловское и разъезжал по деревням своих знакомых. В одной из них встретил он добродушного старика шведа и помещика, занимавшегося писанием таких стихов: “Сказка или маленький детский городок на лугу во время уборки сена”».

Я вам еще не сказал,
 Что я сегодня видал.
 Моему зрению представлялся городок:
 Сколько ему в длину, столько и поперек,
 То есть порядочный олений скачок.
 В нем видел я прелестный молочный кабачок,
 И все жители в нем сосали рожок и проч.

Этот Овчинников 20-х годов вызвал шутку Пушкина»¹¹⁰.

Геннади перепечатал это стихотворение с полной расшифровкой имени адресата: «Эгельстрому»¹¹¹. Ефремов, также напечатавший это послание, в примечаниях сообщил что его «надо перенести лет на 10 вперед, к 1828 г.»¹¹². Из переписки Пушкина с А. Н. Вульфом Ефремов сделал ошибочное предположение, что Павел Иванович (который, как сообщал Пушкин, «стихотворствует с отличным успехом. На днях исправил он наши общие стихи...»), и Эгельстром (адресат стихотворного послания) — одно и то же лицо, не подозревая, что в письме Пушкина речь шла о дяде А. Н. Вульфа — Павле Ивановиче Вульфе¹¹³. Благодаря Ефремову имя Павла Ивановича надолго закрепилось за Эгельстромом¹¹⁴. Впоследствии Ефремов признался в своей оплошности, возложив при этом часть вины на А. Н. Вульфа: «За месяц до смерти Г. Н. Геннади я с ним был у А. Э. Циммермана, где мы встретили и А. Н. Вульфа. Он между прочим рассказывал анекдоты об Эгельстроме и о том, что он поправил два стиха в предыдущем стихотворении (“Я взглянул на небеса и вспомнил ваши взоры”), забыв, вероятно, что Пушкин ему же писал, что эту поправку сделал “Павел Иванович”, т. е. дядя Алексея Николаевича. Имени этого дяди тогда ни Геннади, ни я не знали, и поправку так и оставили за Эгельстромом, считая его этим Павлом Ивановичем»¹¹⁵.

В отличие от Ефремова и Морозова, Венгерова и Брюсова, тверской краевед В. И. Колосов был хорошо осведомлен, что Пушкин «заезжал при каждом удобном случае» в сельцо Павловское Тверской губернии вовсе не к Эгельстрому, а к Павлу Ивановичу Вульфу, деверю П. А. Осиповой, с которым его связывали теплые дружеские отношения¹¹⁶. Колосов сообщил любопытные сведения об адресате послания, продолжая называть его Павлом Ивановичем, возможно, в силу установившейся традиции: «П. И. Эгельстром был помещик Тверской губернии, — имение его было в селе Пречистой Каменке Новоторжского уезда. Он был родом швед, плохо говорил по-русски, но с усердием, заслуживающим лучшей участи, писал, как он говорил, “штыхи” на русском языке. Возле Пречистой Каменки жил и другой помещик, Копылов, большой зубоскал, потешавшийся над Эгельстромом. Эгельстром в одно из пребываний А. С. Пушкина в Тверской губернии и явился к нему в качестве собрата по поэзии, представив на его усмотрение произведения своей музыки. Должно быть, при этом он жаловался на несносные обиды завистника своего Копылова. По этому-то поводу Пушкин и посвятил ему свое саркастическое стихотворение...»¹¹⁷. Так

создалась легенда о тверском «собрате по поэзии» Пушкина Павле Ивановиче Эгельстроме, которую целиком и полностью, начиная с имени, отчества и фамилии нашего персонажа и кончая обстоятельствами личного его знакомства с Пушкиным, развеял Б. Л. Модзалевский¹¹⁸. В своей статье Борис Львович опирался на документальные источники, используя, в частности, сведения, которые ему удалось получить от сына Федора Федоровича Эгерштрома (так в действительности звали адресата шуточного послания) — генерала от кавалерии и заслуженного профессора Михайловской артиллерийской академии Н. Ф. Эгерштрома (1831—1916). И вот что сообщил Модзалевский об адресате стихотворного послания.

Федор Федорович Эгерштром (1790—1853) — помещик с Федоровское Старицкого уезда, Тверской губернии, сосед семьи Вульфов, происходил из знатного шведского рода. Выпускник Главного артиллерийского училища при Гвардейском корпусе в Стокгольме (1809), он участвовал в военных действиях Швеции против Дании и был награжден золотой медалью за храбрость. В 1811 г., во время революции в Стокгольме, поручик Эгерштром спас жизнь первому шведскому министру графу Армфельду, а его семью перевез в Петербург. Будучи представленным Александру I, он изъявил желание перейти на русскую службу и был зачислен прапорщиком в л.-гв. Финляндский полк. В составе этого полка Эгерштром участвовал в военной кампании 1813 г., отличился в знаменитом сражении под Лейпцигом, где захватил неприятельское знамя, за что был награжден золотой шпагой с надписью «за храбрость» и орденом Анны 4-й степени. Потом, в течение семи лет, служил в разных полках, а 8 декабря 1820 г. в возрасте тридцати лет вышел в отставку «за ранами, подполковником и с мундиром». К этому времени Эгерштром был женат на вдове надворного советника Прасковье Александровне Гурьевой, которая получила в качестве приданого от своей матери имение Федоровское Старицкого уезда Тверской губернии, находящееся в нескольких верстах от Яропольца. Там и поселился Эгерштром по выходе в отставку. В 1825 г. он принял присягу на подданство России и спустя два года был избран депутатом от дворянства Старицкого уезда в Тверское дворянское депутатское собрание, куда впоследствии еще неоднократно избирался. В 1829 г. Эгерштром овдовел (детей от первого брака у него не было), но в следующем году женился вторично на дочери откупщика (к тому времени оставшейся сиротой) Александре Васильевне Пешехоновой, которая родила ему четверых сыновей и дочь. В Тверской губернии обрусевший швед прославился сельскохозяйственными изобретениями (достаточно сказать, что в 1838 г. «за содействие успехам сельского хозяйства в России» он был избран в действительные члены Императорского Московского общества сельского хозяйства, а в 1844 г. — в действительные члены Российского общества любителей садоводства, состоявшего под покровительством императрицы Александры Федоровны) и своей

«непобедимой страстью» к стихотворчеству. Его сосед по Старицкому уезду князь А. В. Мещерский вспоминал: «Из мелкопоместных помещиков, посещавших нас в то время в деревне, я припоминаю <...> одного заслуженного полковника и доморощенного поэта — Эгерштрома, родом из шведов, замечательного тем, что он всю жизнь свою проводил в своем тарантасе, постоянно навещая всех помещиков этого околотка и угощая их, при каждом посещении, вновь написанными им стихотворениями на ломаном русском языке самого забавного содержания. Эти стихи большей частью посвящались хозяину или хозяйке дома и возбуждали во всех присутствующих гомерический смех, никогда его не обижавший, отчего он и умел сделаться для всех желанным гостем и обязательным участником всех удовольствий. Пушкин написал шуточное послание к этому Эгерштрому»¹¹⁹. В Российском историческом музее в бумагах князя В. Ф. Одоевского Б. Л. Модзалевский отыскал тетрадь этого поэта-графомана со следующим заглавием: «Кое Что в стихах и в Прозе сочинений Федора Эгерштрома 1838 года.

По повелениям Непобедимой страсти марать Бумагу я Решился!
С признанием что — Писать и читать — я лишь самоучкою —
учуечи учился!
Примите благосклонно мое старание
Показать чрез сие — мое марание».¹²⁰

Из этой тетради Модзалевский напечатал несколько стихотворений, в том числе и посвященное памяти Пушкина, которое автор подпisał так: «Соч.: Федор Эгерштром — один из почитателей превосходных талантов Незабвенного Поэта (Но с которым я к сожалению моему Не был лично знаком)»¹²¹. Подпись Эгерштрома полностью опровергает утверждение Колосова о том, что он якобы «в одно из пребываний А. С. Пушкина в Тверской губернии явился к нему в качестве собрата по поэзии, представив на его усмотрение произведения своей музы»¹²². Разрушив легенду Колосова, Б. Л. Модзалевский тем не менее не отрицал возможности знакомства Пушкина с поэтическим творчеством Эгерштрома через семью Вульфов и не подвергал сомнению принадлежность Пушкину стихотворного послания «Эгерштрому». «Можно представить себе теперь, — заключил Модзалевский, — каким громким добродушным смехом заливался Пушкин, читая стихи Эгерштрома и называя его в своем ответном послании соперником Ювенала, подражателем Грея, сравнивая его с Анакреоном, Мольером, Крыловым и именуя его “поэтом, сыном Феба вдохновенным” и “царем певцов”»¹²³. Пушкинским считал это стихотворение и Н. О. Лернер¹²⁴. Тем не менее оно было исключено из основного корпуса «большого» академического собрания и находится в списке произведений, ошибочно приписываемых Пушкину в наиболее авторитетных изданиях.

«Пуншевую песню» («Силы четыре...») с подзаголовком «Из Шиллера. Лицейское стихотворение» Анненков напечатал со следующим комментарием: «Это подстрочный, но плохой перевод Шиллеровой студенческой песни:

Vier Elemente,
Innig gesellt,
Bilden das Leben
Bauen die Welt.

Впрочем, хотя перевод, сделанный по всем вероятностям еще в Лицее, и переписан весь рукою Пушкина, но действительно ли принадлежит ему, еще неизвестно»¹²⁵.

В 1858 г. были опубликованы письма А. С. Пушкина к брату, хранившиеся у С. А. Соболевского, среди которых находился листок с «Пуншевой песней». В подстрочных примечаниях сообщалось, что это «стихи, писанные (по мнению С. А. Соболевского) рукою Льва Пушкина»¹²⁶.

Геннади перепечатал перевод¹²⁷, оговорив в примечаниях, что он «найден в бумагах, сохранившихся у С. А. Соболевского от Льва Сергеевича Пушкина, который, может быть, и перевел эту пьесу — а не Александр Сергеевич, которого не узнаем в этих небрежных стихах. Печатаем пьесу потому только, что она была в последнем издании»¹²⁸.

Ефремов также включил «Пуншевую песню» в свое издание со ссылкой на Анненкова и на Гаевского, что «эта песня переведена в 1816 г. и представляет единственное заимствование из немецкой литературы, которую Пушкин по какому-то предубеждению не любил»¹²⁹. «Этот перевод, — по мнению Ефремова, — дал повод поэту написать и свой “Заздравный кубок”»¹³⁰. Впоследствии, под влиянием Л. Н. Майкова, Ефремов склонился к тому, что и рукопись и сам перевод принадлежат Льву Сергеевичу Пушкину¹³¹. Морозов же полагал, что «рукопись написана почерком, очень похожим на пушкинский»¹³².

В. Я. Брюсов напечатал «Пуншевую песню» в разделе «Dubia» со следующим комментарием: «В принадлежности этой песни Пушкину сомневались многие, начиная с Анненкова. Пушкин немецкий знал плохо и не переводил. Может быть, списал перевод песни Шиллера, когда писал свое стихотворение “Заздравный кубок” (1816)»¹³³.

В «большое» академическое издание «Пуншевая песня» входит в список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях

Анненков также включил в свое издание несколько приписанных Пушкину эпиграмм. Две из них написаны на Ф. В. Булгарина. Эпиграмму «Поверьте мне — Фиглярин — моралист...» Анненков напечатал, сославшись на прижизненную публикацию в альманахе М. А. Максимовича «Денница», где она, без подписи, под общим за-

главием «Эпиграммы», соседствовала рядом с явно пушкинской эпиграммой «Не то беда, Авдей Флюгарин...»¹³⁴. Анненков был осведомлен о том, что эпиграмма «Поверьте мне — Фиглярин — моралист...» «приписывается также и Баратынскому», но полагал, «что мысль эпиграммы принадлежит обоим авторам»¹³⁵.

Вслед за Анненковым эту эпиграмму напечатали Геннади¹³⁶ и Ефремов¹³⁷, а за границей, тоже как пушкинскую, — Огарев¹³⁸.

Из собрания сочинений Пушкина эпиграмму исключил Морозов, уверенный в авторстве Баратынского¹³⁹, точно так же, как были уверены М. Н. Лонгинов¹⁴⁰ и В. Науменко¹⁴¹. В качестве доказательства автор последней заметки привел свидетельство М. А. Максимовича: издатель «Денницы» категорично утверждал, «что Пушкину принадлежит только одна из тех двух эпиграмм (“Не то беда, Авдей Флюгарин...”»). Другая подлежит исключению из сочинений Пушкина: ее сочинил Баратынский еще до приезда Пушкина в Москву <...>. Пушкин, по приезде в Москву, любовался этою эпиграммою; рукою властною он зачеркнул в последнем стихе: *может быть*, и надписал: *кажется*. С этою переменной и напечатан в “Деннице” последний стих: “*А, кажется и ново для него*”. Вот все, что принадлежит Пушкину в эпиграмме Баратынского»¹⁴².

Эпиграмма «Поверьте мне — Фиглярин — моралист...» была написана в связи с выходом в свет романа Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» (1829). Датировка устанавливается по письму М. П. Погодина к С. П. Шевыреву от 28 апреля 1829 г.: «Булг<арин> почитает себе соперником теперь одного Пушкина <...> Баратынский написал презлую эпиграмму на него: “Б<улгарин> уверяет нас, что красть грешно, лгать стыдно”»¹⁴³.

В «большое» академическое издание эпиграмма «Поверьте мне — Фиглярин — моралист...» входит в список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях.

Анненков напечатал и другую эпиграмму на Булгарина — «Ты целый свет уверить хочешь...»¹⁴⁴, сославшись на прижизненную публикацию в «Литературной газете»¹⁴⁵. Геннади, перепечатавший предыдущую эпиграмму на Булгарина, эту из собрания сочинений Пушкина исключил. Бартенев, напротив, считал, что эта эпиграмма «кажется Пушкина» и связал ее содержание с двумя эпиграммами на Булгарина, появившимися в 1845 г. в «Москвитянине»¹⁴⁶: «К усопшим льнет как червь Фиглярин неотвязный...» П. А. Вяземского и «Что ты несешь на мертвых небылицу...» Н. Ф. Павлова¹⁴⁷. Ефремов перепечатал эпиграмму из издания Анненкова, не исключая соавторство Пушкина с Баратынским¹⁴⁸. Морозов и Венгеров считали эпиграмму несомненно пушкинской¹⁴⁹. Брюсов напечатал ее в разделе «Dubia»¹⁵⁰. Лернер то называл автором эпиграммы Пушкина, то атрибутировал ее Вяземскому¹⁵¹. А. И. Дельвиг предполагал авторство О. М. Сомова¹⁵².

В «большое» академическое издание эпиграмма «Ты целый свет уверить хочешь...» входит в список произведений, ошибочно приписывавшихся Пушкину в наиболее авторитетных изданиях.

В примечаниях Анненков напечатал эпиграмму «Ученые, учитесь! Ваш спор теперь решен...» и эпиграфию «Под памятником сим скрыт доктор Сасафрас...», впервые опубликованные в 1820 г. в журнале «Невский зритель» с цифронимами «16—17»¹⁵³. Цифровое сходство (Пушкин нередко подписывал публикуемые в журналах стихотворения: «17—14», «14—16») не давало Анненкову абсолютной уверенности в авторстве Пушкина, и относительно этих текстов он ограничился осторожным замечанием: «Кажется, они также должны принадлежать Пушкину»¹⁵⁴.

Принадлежность А. С. Пушкину четверостишия:

Всегда так будет, как бывало;
Таков издревле белый свет:
Ученых много — умных мало,
Знакомых тьма — а друга нет! —

входящего во все собрания сочинений поэта, начиная с издания под редакцией Анненкова, долгое время не подвергалось сомнению.

Как пушкинское впервые это четверостишие было напечатано в 1829 г. в альманахе «Листки граций, или Собрание стихотворений для альбомов»¹⁵⁵. Имя издателя осталось неизвестным. По предположению Н. П. Смирнова-Сокольского, им мог быть книгопродавец Степан Васильев, перепечатавший альбомные стихи без разрешения авторов. «Книжка сделана грамотнее, чем другие, подобные же, но и эта “грамотность” весьма относительна»¹⁵⁶. В альманахе были собраны стихотворения А. С. Пушкина: «Если жизнь тебя обманет...», «Что наша роза...», «Когда погаснут дни мечтанья...», а также произведения Н. И. Гнедича, В. А. Жуковского, И. И. Козлова, Б. М. Федорова и даже запрещенного К. Ф. Рыльева («Кого не победит Аглаи томный взор...», с полной подписью). В то же время стихотворение Е. А. Баратынского «Перелетай к веселью от веселья...» издатель приписал А. Д. Галахову.

С именем Пушкина четверостишие «Всегда так будет, как бывало...» распространялось в многочисленных списках. В альбоме лицейского товарища Пушкина А. М. Горчакова, где переписаны разными почерками стихотворения Пушкина, поэт исправил опisku в первой строке и тут же все четыре строки решительно перечеркнул¹⁵⁷. В «большом» академическом издании помимо альбома Горчакова указаны также списки в сборниках Дашкова, Лонгинова—Полторацкого, Тихонравова, Успенского, Шереметева, под разными заглавиями содержащие текст, идентичный альманашному (II, 1202). Наиболее авторитетный из них, безусловно, сборник А. В. Шереметева, состоявшего, по воспоминаниям его внука графа В. А. Мусина-Пушкина, в дру-

жеских отношениях с поэтом¹⁵⁸. Тетрадь Шереметева заполнялась в 1820-х гг.¹⁵⁹ На сохранившейся части листа 5 (верхняя его часть неровно оторвана) данное четверостишие имеет заголовок: «В альбом Zubovu»¹⁶⁰. Однако известно, что в альбом корнету лейб-гвардии гусарского полка А. Н. Zubovu в конце мая или начале июня 1817 г. Пушкин вписал другое стихотворение — «Пройдет любовь, умрут желанья...»¹⁶¹. Кроме того, необходимо отметить неучтенный контаминированный список в архиве Д. П. Ознобишина, где четверостишие «Всегда так будет, как бывало...» является окончанием пушкинского стихотворения «Свободы сеятель пустынный...»¹⁶².

В издании под редакцией Анненкова четверостишие «Всегда так будет, как бывало...» значится среди стихотворений неизвестных годов, без датировки и без примечаний. Текст отличается от первой публикации начальной строкой (вместо сравнительного союза «как» появляется соединительный союз «и»), а также пунктуацией¹⁶³. По-видимому, Анненков располагал другим, неизвестным нам списком.

Геннади перепечатал это четверостишие из издания Анненкова в разделе «Стихотворения неизвестных годов», увенчав его восклицательным знаком, который у Анненкова отсутствовал¹⁶⁴.

Однако в последующих пушкинских собраниях сочинений, начиная с издания Ефремова (1880), четверостишие стали печатать под 1821 г. Заслуживает особого внимания вопрос о происхождении этой датировки. Когда первый том ефремовского издания был уже в печати, в последний момент выяснилось, что эпиграмма «Пестелю» («Снесем иль нет главу свою — / Из полновесного стакана / Твое здоровье, Пестель, пью, / И рвусь и злюся на тирана...»), уже набранная среди стихотворений 1821 г., Пушкину не принадлежит, и необходимо заменить ее на любое другое пушкинское четверостишие. В срочном порядке из корпуса стихотворений неизвестных годов было взято «Всегда так будет, как бывало...» и напечатано вместо «Снесем иль нет главу свою...». В этой подмене Ефремов тут же и сознался¹⁶⁵. Его признание подтверждается оглавлением к первому тому. Там не успели убрать следы поспешной рокировки и по-прежнему значится: «П. И. П—лю» («Снесем иль нет»). В последующих пушкинских изданиях — под редакцией Ефремова, Морозова, Якушкина и Морозова (академическом), Венгерова, Брюсова — эта датировка — 1821 г. — закрепилась за четверостишием. Во втором томе венгеровского издания четверостишие было перепечатано по Анненкову, но под 1821 г. Автор примечаний Лернер привел следующее объяснение: «Анненков даты под стихотворением не выставил. Геннади в изд. 1859 г. отнес его к 1821 г., не приведя, однако, для этого никаких мотивов»¹⁶⁶. Таким образом, Лернер возложил вину за необоснованную датировку не на подтасовщика Ефремова, а на Геннади, к изданиям которого предъявлялось множество обоснованных претензий. Но в данной ситуации он

оказался в положении стрелочника. Казалось бы, Лернеру были даны все карты в руки, чтобы исправить датировку. Но обратимся снова к редакционным примечаниям, поражающим своей беспомощностью: «Дата была принята всеми позднейшими изданиями. Приняли и мы ее, но только потому, что у нас нет данных оспаривать ее»¹⁶⁷. Аналогичным образом рассуждали и редакторы третьего тома издания Императорской Академии наук Якушкин и Морозов¹⁶⁸. И уж совсем забавным выглядит примечание Брюсова, вернувшего в своем издании текст альманаха «Листки граций»: «Когда написано, не выяснено, но по сходству с кишиневскими набросками относится к 1821 г.»¹⁶⁹. Любопытно, что же общего нашел Брюсов между данным четверостишием и напечатанной ниже сатирой на кишиневских дам?

Впервые по авторизованной копии в альбоме А. М. Горчакова текст четверостишия напечатал М. А. Цявловский, датировавший его «предположительно» все тем же 1821 г.¹⁷⁰

И лишь в «большом» академическом собрании четверостишие было помещено в раздел «Dubia» (II, 493). Изменилась и датировка: июнь (не ранее 11-го) 1817 г. — апрель 1820 г. (II, 1202). В справочном томе редакторы С. М. Бонди и Т. Г. Цявловская-Зенгер внесли уточнение: «Это стихотворение должно быть исключено из текстов Пушкина. Оно приписывается ему ошибочно. Автором его, как документально установила Т. Г. Цявловская-Зенгер, является Б. М. Федоров» (XVII, 23). Однако документальных свидетельств в пользу авторства Б. М. Федорова по непонятным причинам редакторы не привели. В результате стихотворение по-прежнему входит во все собрания сочинений Пушкина¹⁷¹. Дабы в дальнейшем не наступать на одни и те же грабли, необходимо завершить то, что не довела до конца Т. Г. Цявловская, т. е. указать документальный источник и поставить на этом точку.

Четверостишие «Всегда так будет, как бывало...» действительно ошибочно приписано Пушкину. На самом деле это всего лишь заключительный отрывок из «Послания к А. С. Норову» Б. М. Федорова, опубликованного в 1817 г. в «Духе журналов»¹⁷². Для полной ясности приведем его в небольшом контексте:

Лишь обществ шумных убегаю,
Педантских споров, модных ссор,
Где в людях гордость я встречаю,
В словах один лишь слышу вздор;
И где, как и везде бывало
С тех пор, как видим белый свет,
Ученых много, умных — мало,
Знакомых тьма... а друга нет!

Под посланием стоит подпись: «Б. Федоров. С. Петербург. Декабря, 1816».

Примечания

- ¹ Москвитянин. 1849. № 2, кн. 1. С. 22—25.
- ² См.: Долгов С. О. А. Ф. Вельтман и его план окончания «Русалки» Пушкина. М., 1897.
- ³ Пушкин А. С. Собр. соч.: [В 11 т.] СПб., 1841. Т. 9. С. 291—292.
- ⁴ См.: Гаевский В. П. Дельвиг // Современник. 1854. Т. 47. С. 17—18.
- ⁵ Соревнователь просвещения и благотворения. СПб., 1820. Ч. 12. С. 212.
- ⁶ ПД. Ф. 244, оп. 8, № 100, л. 57об. — 58.
- ⁷ РГБ. Ф. 178 (Музейное собр.) М 5261. С. 54.
- ⁸ См.: Русские пропилеи. М., 1919. Т. 6. С. 36.
- ⁹ Пушкин А. С. Соч.: [В 7 т.] / Изд. П. В. Анненкова. СПб., 1855. Т. 2. С. 219 (далее — Анненков, с указанием тома и страницы).
- ¹⁰ См.: Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным А. Я. Исаковым. СПб., 1860. С. 113.
- ¹¹ Майков Л. Н. Заметка по поводу VII-го тома сочинений Пушкина // Библиографические записки 1858. Т. 1. Стб. 200—201 (со ссылкой на В. П. Гаевского).
- ¹² Пушкинскую запись см.: ПД. Ф. 244, оп. 1, № 835, л. 8. Стихотворение Жуковского впервые опублик.: Сын отечества. 1816. Ч. 29, № 14. С. 68—69; перепечатано с другим названием: «Стихи на случай первого отречения Бонапарта»: Литературный музей. М., 1827. С. 308.
- ¹³ Анненков. Т. 7. С. 36.
- ¹⁴ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 494; Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 19 т. Т. 17 (доп.): Рукою Пушкина: Выписки и записи разного содержания. Официальные документы. 2-е изд., перераб. М., 1997. С. 466.
- ¹⁵ Майков Л. Н. Заметка по поводу VII-го тома сочинений Пушкина. Стб. 202—203.
- ¹⁶ Приложения к сочинениям А. С. Пушкина, изданным А. Я. Исаковым. С. 113.
- ¹⁷ Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 65—66.
- ¹⁸ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина // А. С. Пушкин в русской критике: Сб. ст. 2-е изд. М., 1953. С. 63.
- ¹⁹ ПД. Ф. 244, оп. 8, № 25. Описание тетради см.: Мордовченко Н. И. В. Г. Белинский в работе над текстами Пушкина // Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. С. 297—301.
- ²⁰ Вестник Европы. 1813. Ч. 69, № 11—12. С. 188.
- ²¹ Отечественные записки. 1843. Т. 30, № 10. Отд. 5. С. 88.
- ²² Там же. Т. 31, № 12. Отд. 5. С. 30.
- ²³ ПД. Ф. 244, оп. 8, № 25, л. 3об.
- ²⁴ ПД. Ф. 244, оп. 16, № 10, л. 224—228. Напечатано: Сухонин С. С. Дела III отделения е. и. в. канцелярии о А. С. Пушкине. СПб., 1906. С. 216—217.
- ²⁵ Вяземский П. А. Старая записная книжка. Л., 1929. С. 101.
- ²⁶ Гаевский В. П. Библиографические заметки о сочинениях Пушкина и Дельвига // Отечественные записки. 1853. Т. 88, № 6. Отд. 7. С. 148.
- ²⁷ Гаевский В. П. Биографическое известие об А. С. Пушкине до 26 года, написанное братом его, Львом Сергеевичем Пушкиным // Там же. Т. 89, № 7. Отд. 5. С. 71.
- ²⁸ См.: Северная пчела. 1856. № 153, 10 июля,
- ²⁹ Там же. № 158, 16 июля.
- ³⁰ Северная звезда. СПб., 1829. С. 65.
- ³¹ ПД. Ф. 244, оп. 8, № 25, л. 22.
- ³² Современник. 1851. № 4. Отд. 6. С. 182.

³³ Анненков. Т. 2. С. 240.

³⁴ «Негодяйкой» Вяземский в шутку называл свое стихотворение «Негодование». Так, 13 ноября 1820 г. он из Варшавы писал А. И. Тургеневу: «Моя “Негодяйка” (“Негодование”) добита; надобно еще два-три дни полежать ей под сукном, а там и в свет. Кажется, нигде столько души моей не было как тут» (Остафьевский архив. СПб., 1899. Т. 2. С. 102).

³⁵ ПД. Ф. 244, оп. 8, № 25, л. 22.

³⁶ В определенной степени ответ на вопрос об авторстве этого стихотворения дал сам Полежаев в поэме «Эрпели»:

Увидит чтец иной под пальцем
В моих тетрадках А и П,
Попросит ласковых хозяев
Значенье литер пояснить —
И мне ль забвенным, мне ли быть?
Ему ответят: «Полежаев...»

³⁷ Полежаев А. И. Сочинения. М., 1988. С. 183—184.

³⁸ Анненков. Т. 7. С. 10.

³⁹ Так это имя напечатано у Анненкова.

⁴⁰ Там же. С. 9.

⁴¹ А. П. Черты из жизни А. С. Пушкина // Лучи. 1853. Т. 7, № 1. Раздел «Смесь». С. 70—71.

⁴² Москвитянин. 1857. Т. 71, № 4, кн. 2. С. 107.

⁴³ См.: Гаевский В. П. Пушкин в Лицее и лицейские его стихотворения // Современник. 1863. Т. 57. Отд. 1. С. 145.

⁴⁴ Гербель Н. В. Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина // Русский архив. 1876. № 10. С. 228.

⁴⁵ Ефремов П. А. Александр Сергеевич Пушкин. Стихотворение «Моя родословная» по подлинной рукописи // Русская старина. 1879. Т. 26, № 12. С. 729.

⁴⁶ Московский наблюдатель. М., 1836. Ч. 7, июнь. С. 541.

⁴⁷ Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 322.

⁴⁸ Русский архив. 1900. № 3. С. 380—381.

⁴⁹ Гоголь Н. В. Сочинения и письма [В 6 т.]. СПб., 1857. Т. 6. С. 383.

⁵⁰ Москвитянин. 1849. № 4. С. 85.

⁵¹ Библиографические записки. 1859. № 20. Стб. 654—655.

⁵² Русские поэты в биографиях и образцах / Сост. Н. В. Гербель. СПб., 1873. С. 380—381.

⁵³ Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861. С. 179—184. Подробнее об истории этого стихотворения и его списках см.: Бобров Е. А. Из истории русской литературы XVIII и XIX столетий (Рузаевский список «Четырех наций» А. И. Полежаева. — О стихотворениях, приписываемых А. И. Полежаеву) // Известия Отделения русского языка и словесности. 1907. Т. 12, № 2. С. 439—447.

⁵⁴ ПД. Ф. 244, оп. 8, № 100, л. 84; см. также списки этого стихотворения в других рукописных сборниках Пушкинского фонда (ф. 244, оп. 8, № 43, л. 6; № 52, л. 4 об.; № 21, л. 5 и др.)

⁵⁵ Литературные прибавления к «Русскому инвалиду». 1831. № 6. С. 46—47.

⁵⁶ Полярная звезда. Лондон, 1858. Кн. 4. С. 271.

⁵⁷ Библиографические записки. 1858. № 8. Стб. 237.

⁵⁸ Новые стихотворения Пушкина и Шевченки. Лейпциг, 1859 (Фототип. изд.: Харьков, 1937); см. также: Пушкин А. Стихотворения. Лейпциг, 1861. Ч. 2. С. 123—124. В изд.: «Любня» П. Лейпциг, 1874. С. 290—291 автором стихотворения уже назван Баратынский.

⁵⁹ Русская потаенная литература XIX столетия. С. 201.

⁶⁰ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений: Дополнения к 6-ти томам петербургского издания / Под ред. Русского. <В. Гербеля>. Берлин, 1861. С. VIII.; см. также: *Гербель Н. В.* Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина // Русский архив. 1876. № 10. С. 2 об.

⁶¹ РГБ. Полт. 162. 1 (кн. 1). С. 157.

⁶² ПД, № 30930, л. 2 об.

⁶³ Литературный вестник. 1903. Т. 6. С. 7—8. О разночтениях этого стихотворения см.: *Брюсов В. Я.* «Цапли»: Шуточные стихи старого времени // Русский архив. 1900. № 5. С. 105.

⁶⁴ См.: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998. С. 170.

⁶⁵ *Гербель Н. В.* Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина. С. 223—225.

⁶⁶ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. IX.

⁶⁷ *Гербель Н. В.* Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина. С. 225.

⁶⁸ *Ефремов П. А.* Александр Сергеевич Пушкин. Стихотворение «Моя родословная» по подлинной рукописи. С. 730—731.

⁶⁹ См.: *Пушкин А. С.* Соч.: [В 6 т.] / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1880. Т. 1. С. 508 (далее — Ефремов. 1880, с указанием тома и страницы); То же: *Пушкин А. С.* Соч.: [В 7 т.] / Под ред. П. А. Ефремова. М., 1882. Т. 1. С. 468 (далее — Ефремов. 1882, с указанием тома и страницы).

⁷⁰ См: *Лернер Н. О.* Затерянное стихотворение Пушкина // Красная новь. М., 1927. Кн. 9. С. 256—262; перепеч.: *Лернер Н. О.* Рассказы о Пушкине. М., 1929. С. 38—47.

⁷¹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 81—83 (Прил. к журн. «Красная нива» на 1930 г.).

⁷² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 316—318.

⁷³ Анненков. Т. 7. С. 9.

⁷⁴ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. IX.

⁷⁵ *Гербель Н. В.* Для будущего полного собрания сочинений А. С. Пушкина. С. 207—208.

⁷⁶ Ефремов. 1880. Т. 1. С. 507.

⁷⁷ *Данилов В. В.* Стихотворение «Цель нашей жизни», приписываемое Пушкину // Пушкин. Исследования и материалы: Тр. Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. М.; Л., 1953. С. 298—313.

⁷⁸ *Вацуро В.* Приписываемое Пушкину // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 251—256.

⁷⁹ Там же. С. 255.

⁸⁰ Там же. С. 256.

⁸¹ Анненков. Т. 7. С. 9.

⁸² *Ефремов П. А.* Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. СПб., 1903. С. 7.

⁸³ Там же. С. 7.

⁸⁴ Календарь муз на 1826-й год, изданный А. Измайловым и П. Яковлевым. СПб., 1826. С. 11—13 [с подписью: «В. Григорьев»].

⁸⁵ Сын отчества и Северный архив. 1834. № 11. С. 139 [с подписью: «В. Г.»].

⁸⁶ РНБ. Ф. 225, № 9, 11. См.: *Вацуро В. Э.* Приписываемое Пушкину. С. 254.

⁸⁷ Литературная газета. 1830. Т. 1, № 36, 25 июня. С. 288.

- ⁸⁸ Грен А. Е. Биографические заметки. А. С. Пушкин // Общезанимательный вестник. 1857. № 1. С. 26—27.
- ⁸⁹ Так это имя обозначено в публикации Грена.
- ⁹⁰ Там же. С. 26—27.
- ⁹¹ Анненков. Т. 7. С. 21.
- ⁹² Бартенев П. И. Пушкин в южной России // Русский архив. 1866. № 8—9. Стб. 1156.
- ⁹³ Ефремов П. А. Поправки и дополнения к некоторым стихотворениям Пушкина. Ст. 2 // Библиографические записки. 1861. № 19. Стб. 597.
- ⁹⁴ Литературная газета. 1830. Т. 1, № 24, 26 апреля. С. 191.
- ⁹⁵ Анненков. Т. 7. С. 9; текст: С. 19—20.
- ⁹⁶ Грен А. Е. Биографические заметки. А. С. Пушкин // Общезанимательный вестник. 1857. № 6. С. 221—225 (перепеч.: Бартенев П. И. Пушкин в южной России // Русский архив. 1866. № 8—9. Стб. 1148—1149).
- ⁹⁷ Там же. С. 222.
- ⁹⁸ Там же. С. 225.
- ⁹⁹ См.: Фрейдель Е. В. Пушкин в дневниках и письмах В. Г. Теплякова // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1976. Т. 6. С. 277—278.
- ¹⁰⁰ См.: Пушкин А. С. Соч.: [В 6 т. / Под ред. Г. Н. Геннади]. СПб., 1859. Т. 1. С. 558—560 (далее — Геннади. 1859, с указанием тома и страницы); Ефремов. 1880. Т. 1. С. 141—142.
- ¹⁰¹ См.: Одоевский А. И. Полн. собр. стихотворений. Л., 1958. С. 83—84.
- ¹⁰² Кубасов И. А. Декабрист А. И. Одоевский и вновь найденные его стихотворения. СПб., 1922. С. 75—76. Список стихотворения хранится в архиве Бестужевых (ПД. Ф. 604, № 6, л. 201 об.).
- ¹⁰³ Анненков. Т. 7. С. 7—9.
- ¹⁰⁴ Библиографические записки. 1861. Т. 3, № 19. Стб. 590.
- ¹⁰⁵ Стихотворения А. С. Пушкина, не вошедшие в последнее собрание его сочинений. С. 71—73.
- ¹⁰⁶ Старина и новизна. 1904. Кн. 8. С. 35.
- ¹⁰⁷ Ефремов П. А. Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях. С. 4.
- ¹⁰⁸ ПД. Ф. 244, оп. 8, № 8, л. 6—8; другие списки «Вишни» см.: Ф. 244, оп. 5, № 58; оп. 8, № 107, л. 26—27 без подписи.
- ¹⁰⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. СПб., 1999. Т. 1. С. 757.
- ¹¹⁰ Анненков. Т. 7. С. 82—83. А. Овчинников — поэт, получивший известность благодаря переделке «Фауста» Гете, изданной в Риге в 1851 г.
- ¹¹¹ Геннади. 1859. Т. 1. С. 577—578.
- ¹¹² Ефремов. 1880. Т. 1. С. 537.
- ¹¹³ Ефремов. 1882. Т. 2. С. 408—409.
- ¹¹⁴ Пушкин А. С. Соч.: [В 7 т.] / Под ред. и с объяснит. примеч. П. О. Морозова. СПб., 1887. Т. 2. С. 41; Т. 7. С. 213, 318; То же. 1903. Т. 2. С. 77, 488—489 (далее — Морозов. 1887; Морозов. 1903, с указанием тома и страницы); Пушкин А. С. Соч. [В 6 т.] / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908. Т. 2. С. 497 (далее — Венгеров, с указанием тома и страницы); Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 3 т. и 6 ч. / Ред., вступ. ст. и коммент. В. Я. Брюсова (далее — Брюсов, с указанием тома и страницы). М., 1919. Т. 1. С. 289.
- ¹¹⁵ Пушкин А. С. Соч.: [В 8 т.] / Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1905. Т. 8. С. 287 (далее — Ефремов. 1903, с указанием тома и страницы).
- ¹¹⁶ Колосов В. И. Пушкин в Тверской губернии. Тверь, 1888. С. 6—8.
- ¹¹⁷ Там же. С. 7—8.
- ¹¹⁸ Модзалевский Б. Л. Почитатель Пушкина Ф. Ф. Эгерштрот // Историко-литературный сборник: Посв. В. И. Срезневскому. Л., 1924. С. 55—72.

- 119 Русский архив. 1900. Кн. 2. С. 247.
- 120 *Модзалевский Б. Л.* Почитатель Пушкина Ф. Ф. Эгерштром. С. 58.
- 121 Там же. С. 71.
- 122 *Колосов В. И.* Пушкин в Тверской губернии. С. 7.
- 123 *Модзалевский Б. Л.* Почитатель Пушкина Ф. Ф. Эгерштром. С. 72.
- 124 *Лернер Н. О.* Труды и дни Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1910. С. 181.
- 125 *Анненков. Т. 7.* С. 17—18.
- 126 Библиографические записки. 1858. № 1. Стб. 2.
- 127 *Геннади.* 1859. Т. 1. С. 563—564.
- 128 Там же. Приложения. С. 101—102.
- 129 *Гаевский В. П.* Пушкин в Лицее. С. 373—374.
- 130 *Ефремов.* 1880. Т. 1. С. 122—123.
- 131 *Ефремов.* 1903. Т. 1. С. 190; Т. 5. С. 50.
- 132 *Морозов.* 1887. Т. 1. С. 471.
- 133 *Брюсов.* Т. 1. С. 92.
- 134 *Денница.* 1831. С. 137.
- 135 *Анненков. Т. 7.* С. 107.
- 136 *Геннади.* 1859. Т. 1. С. 567—568.
- 137 *Ефремов.* 1880. Т. 2. С. 404; *Ефремов.* 1903. Т. 2. С. 225.
- 138 Русская поэтажная литература XIX столетия. С. 90 (с вар. в ст. 9: «Все то к природе близко»).
- 139 *Морозов.* 1887. Т. 2. С. 324.
- 140 *Лонгинов М. Н.* Материалы для полного собрания сочинений Баратынского // Русский архив. 1864. № 1. Стб. 112.
- 141 *Науменко В.* По поводу двух эпитаграмм Пушкина на Булгарина // Вестник Европы. 1887. № 5. С. 408—410.
- 142 Там же. С. 409—410.
- 143 Русский архив. 1882. № 5. С. 79—80.
- 144 *Анненков. Т. 7.* С. 108.
- 145 Литературная газета. 1830. Т. 2, № 53, 18 сентября. С. 136 (без подписи).
- 146 *Московитянин.* 1845. Ч. 1, № 2. Отд. 1. С. 87.
- 147 *Бартенев П. И.* Несколько заметок на статьи «Русского архива» // Русский архив. 1865. Стб. 1524—1525.
- 148 *Ефремов.* 1880. Т. 2. С. 403, 439; *Ефремов.* 1903. Т. 2. С. 225.
- 149 *Морозов.* 1887. Т. 2. С. 90.
- 150 *Брюсов.* Т. 1. С. 340.
- 151 *Лернер Н. О.* Труды и дни Пушкина. С. 220, 461.
- 152 *Дельвиг А. И.* Мои воспоминания. М., 1912. С. 105, 141.
- 153 *Невский зритель.* 1820. Ч. 4, ноябрь. С. 148; эпитафия была перепечатана в кн.: Опыт русской анфологии. СПб., 1828. С. 28 (без подписи).
- 154 *Анненков. Т. 2.* С. 92.
- 155 Листки граций, или Собрание стихотворений для альбома. М., 1829. С. 56.
- 156 *Смирнов-Сокольский Н.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962. С. 572.
- 157 ПД. Ф. 244, оп. 1, № 422, л. 23 об.
- 158 *Мусин-Пушкин В.* Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 г. // Русская старина. 1909. № 1. С. 192—193.
- 159 Описание тетради см.: *Томашевский Б. В., Тынянов Ю. Н.* Молодой Тютчев: (Неизданные стихи) // Тютчевский сборник. Пг., 1923. С. 40—47; *Цявловский М. А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 60—62; *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 516—517.
- 160 ПД. Ф. 244, оп. 8, № 38, л. 5.

¹⁶¹ Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 1799—1826. Л., 1991. С. 130—131.

¹⁶² ПД. Ф. 213, № 189. За указанный источник благодарю Н. А. Хохлову.

¹⁶³ Анненков. Т. 7. С. 97.

¹⁶⁴ Геннади. Т. 1. С. 565; То же: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: [В 6 т.] / Под ред. Г. Н. Геннади. 2-е изд. СПб., 1870. Т. 1. С. 510.

¹⁶⁵ Ефремов. 1880. Т. 1. С. 366.

¹⁶⁶ Венгеров. Т. 2. С. 581.

¹⁶⁷ Там же. С. 581.

¹⁶⁸ *Пушкин А. С.* Соч. Изд. Имп. АН. СПб., 1912. Т. 3. С. 167.

¹⁶⁹ Брюсов. Т. 1. С. 169.

¹⁷⁰ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л.: Academia, 1936. Т. 1. С. 324, примеч. С. 714.

¹⁷¹ См., например: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 1. С. 403 (в разделе «Стихотворения, приписываемые Пушкину» в примечаниях отмечено: «нет уверенности, что эти стихи принадлежат Пушкину»).

¹⁷² Дух журналов, или Собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч. СПб. 1817. Ч. 17, кн. 2, 10 января. С. 86—87.

Сергей Давыдов
(Мидлбери, США)

ПУШКИНСКИЕ ШАРАДЫ

В пушкинское время рассказывали анекдот о том, как Вольтеру однажды вручили записку следующего содержания (пример 1):

$$\frac{P}{venez} \quad \text{à} \quad \frac{6}{100},$$

на что Вольтер ответил двумя буквами: «G a». Расшифровка: «Venez sous P à cent sous six» (п—дробь—venez à 6—дробь—сто) = «Venez souper à Saint Souci» (приходите отужинать в Сан-Суси). Ответ Вольтера: «G grand, a petite» (большое G, маленькое A) = «J'ai grand appétit» (С большим аппетитом). Среди сатирических острот, направленных против французской революции 1789 г., мы находим «Alphabet du Royaume François» (пример 2):

Le trône est ABC [abaissé]

le clergé DCD [décédé]

le parlement KC [cassé]

(Трон унижен, духовенство умерло, парламент разрушен)¹. Сам Пушкин когда-то заявил, что

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО

«ОН ВИДИТ НОВГОРОД ВЕЛИКОЙ...»

*Материалы VII Международной пушкинской
конференции «Пушкин и мировая культура»*

Великий Новгород, 31 мая—4 июня 2004 г.

*Конференция проведена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного фонда (РГНФ),
проект № 04-04-14024г*